

Сергей
Крутилин

ЛИПЯГИ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
К 84

Оформление обложки Виктории Манацковой

Крутилин С.

К 84 Липяги : роман / Сергей Крутилин. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 800 с.

ISBN 978-5-389-34179-1

«Липяги» — главный роман в творчестве уроженца рязанской земли Сергея Крутилина. Он рассказывает о жизни русского села в середине XX века, но это не просто хроника деревенской жизни, а масштабное и глубокое размышление о русском крестьянстве, о цене прогресса и вечных нравственных ценностях. Правдивое, искреннее повествование, в котором частные судьбы людей тесно переплетаются с историей страны, сделало «Липяги» одним из значительных произведений «деревенской прозы», стоящим наравне с творчеством таких авторов, как Валентин Распутин, Федор Абрамов и Василий Белов. Само по себе это литературное направление отразило тревогу всего общества за судьбу русского крестьянства и сохранение национальных традиций.

Липяги — реальное село в Рязанской области и в то же время собирательный образ рязанской глубинки, многое взявший от расположенного неподалеку села Делехово, родины писателя. Крутилин с искренней любовью и теплотой описывает быт, нравы и особенности деревенского сообщества, словно стараясь запомнить милые сердцу детали неумолимо исчезающего мира, в котором труд был не только экономической необходимостью, но нравственной опорой и основой человеческого достоинства.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-34179-1

© С. А. Крутилин (наследник), 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ОТ АВТОРА

Говорят, что в Исландии чуть ли не всякий рыбак и скотовод — писатель.

Родись я в Исландии, мне, наверное, не пришлось бы объяснять, кто я и почему взялся за перо. Но я живу не в далекой Исландии, где айсберги и летучие мыши, а в таких дорогах мне и близких Липягáх. Мой дед — потомственный липяговский мужик — не то что не умел читать Псалтырь, но не мог вывести инициалы свои при жеребьевке. Всюду, где требовалась подпись, дед ставил крестик. А отец мой, Василий Андреевич, хоть и считался грамотеем — почему большую часть жизни проходил в колхозных бригадах, — но, как помню, все время писал одним и тем же огрызком карандаша. Для Василия Андреевича, бывало, мука мученическая, когда ему приходилось проставлять чернилами бабий заработок в их трудовые книжки. Мать моя более всех учена. Она три года ходила с «буквицей» к нашему липяговскому дьячку. Она и по сей день пишет с «ять» и после каждого слова ставит точку.

Только что же это я вдруг заговорил о своей родословной, не рассказав про наши Липягí?

Липяги не очень большое село, но все-таки село, поскольку в свое время были у нас и церковь, и сельский совет. Говорю: в свое время. Теперь на месте церкви — это рядом тут, напротив школы — буреют заросли репейника: еще лет тридцать назад церковь разломали и из остатков кирпича воздвигли на окраине села ферму под шиферной крышей. А сельский совет совсем недавно переехал

в соседнее село, в Хворостянку. И сельский совет, и правление нашего колхоза... Но об этом потом.

Не знаю, правда ли, но говорят, что где-то есть еще одни Липяги. И будто село то больше нашего. Может, оно и так, но я рассказываю о наших Липягах. Я родился и вырос тут, бегал тут в школу и теперь вот уже пятнадцатый год в этой же школе учительствую. Так что про те, другие Липяги, и слыхивать ничего не слыхивал.

И не только я один. Все наши липяговские мужики тех, других липяговцев, за родню не признают. Старожилы уверяют, что наши Липяги исстари так назывались. Что это именно про наше село такая присказка в народе сложена: «Не спеши в Сандыри — в Липягах ночуешь...»

Мой крестный, дядя Авданы, прозванный за косноязычие Бур-буром, любитель рассказывать всякие истории, уверяет, что о нашем селе было упомянуто в «Повести о Батыевом приходе на русские земли».

Однако листка этого, где говорилось про Липяги, почему-то не сохранилось. Но как бы там ни было, липяговцы знают одно: что наше село древнее и оно извечно стояло на этом самом месте...

Да, совсем было забыл сказать о месте-то!

Представьте себе междуречье Оки и Дона. Скуднейшая безлесная равнина. Овраги да соломенные крыши изб... В древних былинах про наши места говорится так: «Сторона-то широкая, что от Оки-реки потягла до Дону глубокого». Открытая равнина служила плохой защитой от набегов диких племен.

Кто только тут не шлялся! Бывали тут и черемисы, и болгары, и половцы... Но дольше всех разгуливали по нашей земле татары.

Большинство русичей, узнав о приближении врагов, уходили на север, в леса. В смуту в лесах, что росли по реке Вёрде, беженцев скапливалось видимо-невидимо. Отсюда и название центра этого края — Скопин.

Большинство уходило... Но, видно, не все наши предки думали так, как отвечал рязанский князь Юрий Ингоре-

вич наглому Батыю: «Олна (когда) нас всех не будеть, тож все то ваше будеть...» Кое-кто из местного населения вел дружбу с татарами.

Разве не слышится что-то татарское в названии нашего села?

Но если б в одном названии! Вы только гляньте на нашего липяговского мужика — и вам все станет ясно. Наши земляки рязанцы, живущие за Окой, как все исконно потомственные славяне, белобрысы, голубоглазы. У нас же в Липягах белоголового днем с огнем не отыщешь. Липяговцы смуглолицы, черноволосы; глаза у наших мужиков черней лебедяньского чернозема. А бабы — на моей памяти — носили клетчатые поневы и напяливали на голову рога языческих богов — кички.

Это что касается внешности. А если заглянуть поглубже, в душу иного липяговца, то там еще больше восточного, иноязычного.

Ничего не поделаешь — уж такое у нас место. Все бывали тут, и не нам упрекать предков в недостойности их поведения. Да и вряд ли помогут упреки: слишком долго продолжалось «соседство» с иноязычными. А уберечь народы от общения друг с другом нельзя. Это все равно что огородить речку, чтобы вода ее не сливалась с водой других рек. У нас, правда, находились и такие ловкачи, только у них ничего не вышло. И поныне наша речка Липяговка течет себе, как она текла тысячелетиями: Липяговка впадает в Теменку, Теменка — в Чернавку, Чернавка — в Непрядву, в ту самую Непрядву, на берегу которой собиралось русское ратное войско перед Куликовской битвой. Ну, про эту речку вы, наверное, слышали. Непрядва впадает в Дон возле села Монастырщины, а Дон... и так далее...

НАЗАРКИН КЛАД

1

Нет такого места вблизи Липягов, про которое не ходило бы у нас легенд и поверий. Рассказывают всякое — и про Разбойный лог, и про Кочки, и про Ясное... Но, пожалуй, больше всего легенд связано с Денежным.

Денежным зовется у нас дальний глухой лог. Вернее, не только лог, но и все это место: и гора над оврагом, и ключ, из которого вытекает Липяговка, и болотистый луг вдоль ручья.

Далеко за селом, на самом что ни на есть юру, начинаются две проточки. Одна от Дуба, от угла Жерновского леса, другая совсем с иного конца — от Затворного. Начинаются они незаметно, будто промоины; однако вскоре каждая из них переходит в глубокий овраг. Летом по дну этих суходольных овражков — желтоватая мозаика глиняных наносов: следы весеннего паводка и майских дождей. То тут, то там, могуче взломав потрескавшуюся кору иссохшейся почвы, упрямо зеленеют кусты конского щавеля; изредка на песчаных отмоинах стелются спирали белоглазой повилики. А по крутым откосам оврагов фиолетово-дымчатые пятна кашки чередуются с кустами краснотала и ежевики.

Описав полукружья по границам липяговских владений, овраги сходятся. Сойдясь, они образуют глубоченный мрачноватый лог. Место, где сходятся овраги, — глухое, отчужденное. Земля тут будто вздыблена могучим подземным толчком. Крутолобый скат порос корявыми

приземистыми дубками. А под самым бугром в небольшой расщелине на дне лога бьет ключ.

Вот все это место: и гора над оврагом, и ключ, и заболоченная лужайка вдоль ручья — и зовется у нас Денежным.

Помню, когда-то на этом месте, над ключом, был колодец. Дубовый сруб его, поросший мхом, наглухо закрывался крышкой. Вблизи ключа — часовенка; под пошатнувшимся шатровым навесом желтела иконка с ликом Божьей Матери. Каждой весной после полой воды, вырядившись по-праздничному, мужики с лопатами выходили в степь — чистить полевые колодцы. У нас много было таких колодцев: и в Поповых Порточках, и в Ясном, и у Подвысокого, — и все их весной чистили.

Ныне липяговцы не утруждают себя заботой о родниках. Теперь источник у Денежного, как и все другие полевые колодцы, запущен. Сруб давно сгнил; края расщелины, где бьет родник, заросли осокой; вокруг ключа, в траве, валяются ржавые банки из-под консервов, обрывки газет.

Однако ничто не в силах задавить ключ — ни обвалы, ни приносимый паводками ил, — могуче извергает он из чрева земли свои темные, вечно живые буруны. И бежит день и ночь рожденный им ручеек. Сначала по песочку, потом по болотцу, меж кустов камыша и осоки, на каждом шагу ему помогают другие ключи, невидимые в болотистых кочках. Он с каждым шагом полнеет от их вод, набирает силы, и когда минует Денежный, его уже не назовешь ручейком: это уже речка — Липяговка...

То ли по причине отчужденности этого места, то ли и вправду было какое-то событие, но в народе сохранилось предание, будто в Денежном зарыт несметный клад. От дедов к внукам передается рассказ о том, как возвращался с Куликова поля победитель Мамая князь Дмитрий Донской. По всем большим и малым дорогам от Куликова на Москву двигалось войско. Сам великий князь возвращался «большой» дорогой на Венев. А обоз с золо-

том и иными драгоценностями, захваченными у татар, пробирался соседней дорогой на Липяги.

Было это поздней осенью; отряд в пути заблудился. Под самыми Липягами в открытом поле на обоз с золотом налетел полк литовского князя Ягелло, спешившего на помощь Мамаю. Произошла стычка. Видя, что силы неравны, обозники решили спрятать золото. Они облюбовали глухое место, отбиваясь от наседавших врагов, в темноте, наспех, закопали клад.

В ночном бою все русские были перебиты. Получив известие о пропаже обоза, Дмитрий Донской послал на розыски два полка воинов. Те отыскиали место ночного побоища. Но золота не было. Всюду пустые опрокинутые повозки, трупы воинов и лошадей... Москали вернулись ни с чем. Они доложили князю, что татарским золотом завладел коварный Ягелло.

А клад-то и по сей день лежит на том самом месте, над оврагами, в Денежном!

«Лежит-лежит!» — уверял меня дед.

Не знаю, так ли все это было. Наш историк, например, уверяет, что Ягелло, великий князь литовский, вообще не выступал на помощь Мамаю и, следовательно, никакого отряда русских не уничтожал. Но как бы там ни было, а все наши мужики верят в реальность клада, якобы зарытого в Денежном. Мало того, редко кто из липяговцев в старину не пытал счастья, не пробовал отыскать клад. Делалось это, как правило, в одиночку, скрытно от других. Но вот что странно: каждому, кто отваживался на поиски, непременно мешала «нечистая сила». То ведьма пролетит над помеле, то пронесется по степи огненная колесница, то слышится человеческий голос из-под земли. Одним словом, с каждым, кто рылся в Денежном, непременно что-либо случалось. И напуганный до смерти мужик потом всю жизнь рассказывает про ту ночь всякие небылицы.

Жутким, колдовским местом считается у нас Денежный...

Однажды в пору сенокоса и случилось то, о чем хочу теперь рассказать.

Мы косили у Денежного. Мы — это дед Печенов, сосед наш железнодорожник Василий Кочергин, дядя Авданы, мой крестный, я и еще несколько мужиков. Весь луг выкашивали тракторной сенокосилкой и только самое болотце вдоль ручья добивали вручную.

Вечерело. Над ручьем, густо заросшим осокой, стлался туман. Клинышек, который мы доканчивали, был комковат, и шедший за мной дед Печенов несколько раз всаживал косу в кочку и потом, чертыхаясь, подолгу смурыгал лезвие брусом.

— Добьем, что ли? — спросил, обращаясь к косцам, Авданы.

— Да чо ж оставлять-то! — бодро за всех ответил Василий Кочергин.

Авданы махнул еще раз-другой и, довершив ряд, вытер косу пучком травы. Потом он поставил лезвие на носок кирзового сапога и, нагнувшись, начал точить косу.

Следом за ним и я добил свой ряд и так же, как и Евдоким Кузьмич, достал из брусницы брусок и стал точить им свою ливенку. Коса у меня была старая. Ею косили и дед, и отец. Лезвие сношено почти до обуха. Точить такую косу неудобно, но я никогда не согласился бы работать другой косой — уж очень легко косовище и остро лезвие у нее.

Наточив косу, мы вместе с Авданей выкошенным рядом пошли на новый заход. Василий Кочергин и дед Печенов еще доканчивали прокос.

Ходы были короткие. Не знаю, как вы, а я не люблю коротких ходов. Не успеешь втянуться как следует, глядишь — ряд уже кончился. Снова вскидывай косу и отправляйся на новый заход. Но к вечеру, когда болит каждая косточка, короткий ход даже приятен. Подналег, скосил ряд — и опять передых. Я-то еще креплюсь, а старичкам

усталость чувствительна. Я замечаю это по Евдокиму Кузьмичу. Утром, когда мы только заступили на делянку, он шутил не переставая; лишь появится свободная минута, Авданы тут же принимается за свои байки.

Крестный мой — чудный рассказчик. Особенно любил он байки про дедов, про старину. Причем вот что любопытно — начинает всегда с какого-нибудь реального случая, но присочинит к нему такое, что умрешь со смеху.

Утром Авданы потешал нас. А сейчас идет впереди меня молчаливый, ссутулившийся. Деревянная брусница с пучком розовой кашки болтается у него на боку. Рубаха на плечах потемнела от пота; залатанные штаны обвисли, и он не поправляет их, хотя они мешают ему идти.

— Ну как, Андрюха, ломит спину-то без привычки? — Авданы снял с плеча косу, крякнул.

— Ломит, Евдоким Кузьмич.

— То-то! Косить — это тебе, брат, не книжечки почи-
тывать!

Евдоким Кузьмич замахнулся, ударил косой и пошел вперед.

«Ишь, — подумал я, — крестный-то догадывается, видеть, что неспроста я к ним пришел». Признаюсь, у меня была задумка — провести с колхозниками политбеседу. Уж какой год я веду кружок текущей политики. Зимой мы собираемся в красном уголке, а летом, в страду, где ни сел — там и клуб. Я взял косу и пришел к косцам. Однако к тому же я и свежие газеты захватил, и план, о чем говорить, составил. Авданы увидел газеты и решил подковырнуть насчет «книжечек».

Переждав, пока Евдоким Кузьмич уйдет хоть на окосье вперед, я взмахнул косой и пошел следом.

Травостой в логу хороший. Когда ударяешь косой, то чувствуешь, как напрягается в тебе каждый мускул. Потом рывок, словно кто-то ударил колотушкой по струне; ты прижимаешь пятку косы к земле, а левую руку норовишь поднять вверх — и тотчас же мохнатые кашки, длинноногие былинки тимофеевки, остролистые кусты пырея,

горделиво стоящие перед тобой, никнут, сжимаются в рядок и ложатся в полметре от левой ноги. «Вжик! Вжик!» — и следом в голове отдается шорох переставляемых тобой ног: «Шук-шук».

«Вжик! Вжик!» — «Шук-шук...»

Мимо прошли Василий Кочергин и дед Печенов. Вскоре сзади послышались звон кос и глухие шаги косцов. Утром они наседали на меня, «подрубали» пятки. Теперь Кочергин при каждом взмахе покряхтывал. Дед Печенов часто останавливался и смурыжил косу сухим брусом. До самого конца ряда никто не обронил ни слова. Так, молча, мы сделали еще два-три хода. С каждой минутой лужок заметно уменьшался. Уже темнело, когда мы наконец добились клинышек. Облегченно вздохнув, вытерли косы влажной травой и берегом ручья направились вверх к роднику.

Было тихо; во всем чувствовалась умиротворенность, будто твоя усталость передалась всему вокруг. Косилка тоже перестала стрекотать, но трактор еще продолжал урчать где-то на малых оборотах.

— Ну, Андрюха, когда же будешь нас агитировать? — спросил Авданы, сбавляя шаг, чтобы идти со мной рядом.

— А я считаю, что уже сагитировал.

— И то, языком-то всяк может. Вон твой дружок, бывший наш председатель Володяка Полунин, как разведет лясы — что тебе соловей, заслушаешься. А ты с косой к нам пришел. Оно конечно, так-то агитировать доходчивее получается.

Евдоким Кузьмич поддернул сползшие штаны и, оживившись, продолжал:

— Скажите ведь, сколько я этих агитаторов за свою жизнь видел! Тьма-тьмуца! Во! Не даст Господь Бог со-
врать... — Авданы перекрестился и заговорил еще торопливее: — Сейчас-то свои пошли, на трудовые копеечки, можно сказать, выучили. А бывало, все из района приезжали. Как начинается какая кампания, так, глядь, является уполномоченный, и ну агитировать. Раз, помню, — это

вскоре после войны было — явился на ферму агитатор по надою. Я рядом был, на конюшне. Вижу такое дело — пришел послушать. Я страсть как люблю, когда агитируют. Да... Явился в шляпе, в драповом пальто, с председателем. Одним словом, все как положено. А бабы как раз коров доют. «Плохо, — говорит, — у вас, товарищи колхозницы, с надоем!» А Таня Виляла — она и теперь баба озорная, а тогда и вовсе, помоложе была. Выступила она вперед да и отвечает: «Мы бы рады, только наши коровы больше дать не могут». — «А почему другие больше получают?» — спрашивает тот. «У наших коров, — отвечает Таня, — только по четыре соска. И сколько их ни дергай — больше не надоишь». — «А зачем же, в таком случае, — говорит агитатор, — вы держите дефективных коров? Надо таких коров выбраковывать из стада. Вон в Сандырях, к примеру...» — «А сколько же у сандыровских-то коров сосков?» — спрашивает тогда Таня. Тот важно так подумал, откашлялся и говорит: «Гм! Во всех передовых хозяйствах, — говорит, — коровы имеют по шесть сосков...» Ох, ну и смеху было! Не верите — у меня портки чуть не свалились наземь, до того ржал!..

3

Посмеиваясь над незатейливыми рассказами дяди Авдани, мы незаметно дошли до полевого стана. У самого ключа, в низине, горел костер. Повариха Лукерья Худова, старуха лет семидесяти, в фартуке, в старой, линиялой кофте, босоногая, снимала чугунок с подставки. Девушки, хихикая, умывались у родника.

— Девки, хватит вам! Идите ужинать! — звала их Лукерья.

— А нас-то кормить будешь, Лукерья Ильинична? — Авдани приставил косу к свежесметанному стожку сена и подошел к костру.

Лукерья отставила чугунок, подула на обожженные руки.

— Вам, мужикам, снизу — погуще.

Ослепив всех фарами, подъехал к костру трактор. Огромнейшее — в человеческий рост — ребристое колесо появилось из темноты, покатилося, покатилося и встало. Фары погасли. Трактор пофыркал немного на холостых оборотах и заглох. Подминая кирзовыми сапогами жесткую траву, к костру подошел тракторист. На тракторе работал Назарка — старший сын нашего колхозного бухгалтера Петра Никодимыча. У бухгалтера много детей, и все они очень красивые: чернобровые, большеглазые. И Назарка — красивый парень. Он недавно демобилизовался из армии. У него не успели еще отрасти волосы на голове, и он их зачесывает под модных героев итальянского кино. Он донашивает солдатские галифе, но вместо гимнастерки на нем уже яркая клетчатая ковбойка. Не простая ковбойка, а с короткими рукавами, узкая, так что ее можно, не забирая, носить поверх брюк.

— Ну, девчата, чудо! Что мы сейчас со Сливой видели! — сказал Назарка, подходя к ручью, возле которого мылись девушки.

— Клад нашел, что ль?

— Нет, хуже: русалку видели.

— Брось сочинять-то! — отозвалась от родника Света Коноплина. — Ты своей Верке сказки рассказывай. Со-сучилась небось.

Девушки захихикали. Все знают, что Вера Хапрова, дочь Тани Вилялы, сохнет по Назарке. Не одна она сохнет, и другие девушки вздыхают при виде тракториста. Но, как я успел заметить, равнодушен он к девочкам.

Назарка — большой выдумщик. Нет такого прибора в моем физическом кабинете, который он в свое время не поломал бы, разбирая и собирая. Теперь я часто вижу его возле кузни. Они с Бирдюком вечно над чем-нибудь мудрят.

— Не верите? А ну, Слива, подтверди! — Назарка перестал мылить руки и требовательно посмотрел на прицепщика, стоявшего в стороне.

— Точно, девчата, — сказал подросток, стараясь казаться как можно солиднее.

— И ты видел, Слива?

— А то как же.

Девушки умывались. Вода в ключе была холодная; всякий раз, когда Света плескала воду себе на шею и плечи, она чуть слышно охала и задорно трясла головой.

— Ну, раз Слива подтверждает, тогда рассказывай. Ох ты, холодно-то как!

— Вот верите, только сейчас было... — начал Назарка. — Стали мы отцеплять сенокосилку, вдруг слышу, будто что-то плеснулось в ручье за осокой. Взглянул — стоит белая...

— Ври уж! — вытирая лицо полотенцем, Светлана посмотрела на Назарку, и отражение костра блеснуло в ее глазах.

— Честное комсомольское! Слива, подтверди!

— Точно, Света.

— Хочешь, Светик, пойдем вместе посмотрим! — горячо продолжал Назарка. — Куст осоки, а из-за него, вижу, белеет. Сначала голова поднимается, потом выше, выше, и уже грудь видна и все такое... Говорит: «Назарка! Иди купаться со мной. Я тебя поцелую...» Я ключом стукнул. «Сгинь!» — говорю. А она как засмеется, захохочет да руками по воде зашлепает. Я задрожал весь.

Света уткнулась лицом в полотенце и затряслась от хохота.

Назарка помолчал.

— А ну, Слива...

— Точно, так и сказала: «Иди, я тебя поцелую».

— Да, я задрожал весь, — повторил Назарка. — Не растерялся — и разом к трактору. Включил фары, и красоточка сразу смоталась. Только вода в том месте заходила кругами.

— Чего ж ты испугался? Покупался бы с ней... — сказала Светлана мягко, и я догадался, что они вели понятный только им двоим разговор.

— Ну ее! Холодная она... — отозвался Назарка.

— Страх-то какой! Мы теперь всю ночь не заснем — будет мерещиться! — удивлялись девушки.

— Эй, девки! Бросьте вы лясы Назаркины слушать! Ужин готов! — звала бабка Лукерья, громыхая алюминиевыми мисками.

4

Умывшись, девушки отходили от родника к костру. Неподалеку стояла телега, на которой приехали косцы, а рядом разваленная копешка сена. Девушки присаживались к копешке; Лукерья черпала деревянной ложкой кашу из чугунок и подавала каждому миску. При этом она непременно что-нибудь приговаривала: «Это Ирочке-милочке. А это Светику-семицветику...»

Потом получили ужин и мы, косцы. На некоторое время стало тихо. Только и слышалось дружное позвякивание ложек о края мисок да тяжелое дыхание натрудившихся за день людей.

Поднялась луна. Широкие светлые полосы пролегли по полям. А тут, в низине у родника, было сыро и сумеречно.

Поев, девушки относили пустые миски к костру и, зябко поводя плечами, возвращались; садясь, жались друг к дружке.

Вдруг неподалеку, у ручья, раздался пронзительный крик, и не успело погаснуть эхо, как что-то там зашумело, захлопало крыльями.

Все насторожились.

— Это, Назарка, тебя русалка кличет, — пошутил дядя Авданы.

— Кстись ты, Авданюшка! На ночь-то гляючи про нечистую силу вспомнил! — Лукерья перекрестилась.

— Цапля небось, — сказал я, чтобы разговор о «нечистой силе» не зашел слишком далеко: после ужина мне наконец хотелось начать беседу.

— Нет, цапля кричит жалобно. Это не ее крик. Это непременно нечистый, — настаивал Авданы.

— А ну как и вправду русалка? — встрепенулась Света. — Тут, у Денежного, все может быть.

— Да-а... местечко тут!.. — подхватил Авданы. — И как ему не быть в Денежном, нечистому-то! Ведь, посчитай, одного золота спрятано тут более тыщи пудов. А этих самых бриллиантов и всякого там жемчуга и никто не считал...

— Скажете тоже, дядь Авданы! — возразил Назарка. — Откуда у татар столько золота? Были небось какие-нибудь ризы да оклады с икон.

— Эх ты, «оклады»! Татарва небось сколько веков Русь-то обирала! И одну ли Россию? А сколько добра они вывезли из Польши? Вся Европа от них золотом откупалась. И все с Мамаем было. И все Донской — князь наш — и захватил. Да вот в Москву, жаль, не довез. А то Расея сразу бы стала побогаче там какой-нибудь Америки... Да-а...

— Тогда чего ж наши мужики не откопали клад? — выпытывал Назарка. — Миром взялись бы и...

— Пробовали...

Дядя Авданы погладил усы и многозначительно замолк.

— И вы, дядь? — подала голос Света.

— Как же! И я копался. Уж женатым был. Вот приехали мы раз сюда с дедом Евсеем. Старик он был забавный. Здоровенный, в гренадерах служил. А трусоват под старость стал. Наступила ночь... Ты помнишь его, Лукерья, Евсея-то?

— А то как же!

— Ну вот, наступила ночь. Луна еще не взошла. Только начали мы копать — глядим, от Затворного полем к Денежному катит катафалка. Белые лошади в мыле, храпят. Из-под колес повозки — искры огненные. А на колеснице гроб...

— Э-э, читали! — сказал Назарка. — Сколько их было, этих сказок про «заколдованное место»!

— Помолчал бы, старый! — уговаривала Лукерья Авданю. — Дети ведь...

Однако Авдания не послушал увещаний поварихи. Завернув самокрутку, он привалился спиной к колесу телеги, и ну плести всякие небылицы про Денежный. Василий Кочергин поддакивал ему. Девушки, затаившись, слушали. Только один Назарка изредка возражал, перебивая Авданю короткими и ехидными репликами: «Брось заливать, дядь Авдань!» или «Во! Похлеще Жюль Верна!». Однако Евдоким Кузьмич не обращал внимания на его наскоки. Уж раз начал Авдания свои байки, его ничем не остановишь. Он любого оратора, даже самого Цицерона, заговорит.

«Ну вот, — подумал я. — Значит, все, никакой политической беседы провести не удастся. Две недели, а то и больше не было беседы. Столько событий, столько нового в мире, а тут — всякие байки про огненные колесницы и прочую чепуху... Узнает про все это Алексей Данилович Веретенников, парторг, ох и задаст же мне перцу! Скажет: „Что это вы, Андрей Васильевич, вместо беседы по плану сидели и слушали байки про черную магию?!“» Но вдруг мне пришла в голову мысль перехитрить Авданю. «Черт возьми! — сказал я себе. — Ты же педагог! А учитель должен уметь в любых условиях владеть аудиторией. Так, во всяком случае, учил тебя доцент Морковкин, преподаватель курса педагогики, рязанский Песталоцци!»

Ей-богу, я с благодарностью вспомнил доцента Морковкина, скучнейшие лекции которого повергали всех студентов в сон. И, вспомнив про то, что я педагог, сам решил перейти в наступление. Выбрав минуту, когда уставший от рассказов Авдания размышлял над тем, что бы еще придумать, я решил завладеть вниманием слушателей.

— А ведь я тоже искал клад! — сказал я.

— Уж будя вам! Так и искали?! — усомнилась Лукерья.

— Не я, а дед Андрей. Но я был при этом.

— А-а! Максимыч-то, выходит, тоже искал! — оживился Авдания. — И ведь ни разу не проговорился! Скрытный был мужик!

И не успел Авдани присочинить что-либо о моем душе, как я сам начал рассказывать. Должен признаться, когда я рассказываю, то у меня выходит интереснее, чем когда пишу. Только заговорил я, вижу, все отвернулись от Авдани и придвинулись ко мне. А на крестного моего никто и внимания не обращает. «Эка, перехитрил я тебя, крестный!» Думаю, расскажу сейчас «для затравки» про то, как дед клад искал, а там дальше — больше, перейду и к беседе по планчику...

5

— Было мне лет десять, а может, и того меньше, — начал я. — Однажды за ужином дед и говорит: «Ешь быстро, Андрюшка, и сразу спать ложись. Завтра чуть свет разбужу. Поедешь со мной пахать к Денежному». Я удивился, поскольку знал — у нас в Денежном не было своего надела. А тут — пахать! Однако спросить у деда побоялся. И лишь когда он ушел в сарай спать, я спросил о наделе у матери. «Дедушка выменял надел у дяди Ефрема», — сказала она.

Наутро меня разбудили рано. Возле сарая стояла уже запряженная повозка. Я наскоро выпил кружку молока и забрался в телегу. Там сошниками вверх лежала соха. Я уселся в задок, рядом со жбаном для воды; тут же, на вязке сена, белел узелок с едой. Едва повозка тронулась, как я заметил, что сижу на чем-то жестком. Посмотрел, под вязкой сена лежат лом и лопата. Помню, меня очень удивило это. Соха — это понятно, а к чему лом и лопата? Я спросил у деда. «Сиди себе и сопи в две ноздри!» — огрызнулся он. Больше всю дорогу я не пытался с ним заговорить.

А дорога была дальняя: через все село, через все наши липяговские поля, к самому что ни есть Ясному. Это теперь, на машине, оно кажется, будто близко. А на телегетом тряслись долго. Кочки проехали, потом в гору поднялись. Села кругом видны. Куликовский столб вдали... Все мне вновь, все интересно...

Ну, доехали. Отыскали Ефремкин надел. Полоска была узенькая, одним концом упиралась в ясновскую дорогу, а другим выходила к самому бугру над рудником, к Денежному. Земля давно не пахана, не удобрена. Куда ни глянь — тощенький хвощ и реденькие кустики осота. Тишина. Простор. Мне понравилось тут, хотя и в ту пору я уже слышал всякие истории про Денежный.

Дед распряг кобылку, стреножил ее и отпустил на все четыре стороны. Потом велел мне взять жбан, и мы пошли к роднику. Спускаясь под гору в лог, дед все время что-то мурлыкал себе под нос. Подойдя к колодцу, он сначала отвесил поклон часовенке. Присев на колени, открыл крышку над колодцем, набрал воды в жбан. Он отпил несколько глотков, дал и мне попить. А потом и говорит: «Ну, иди!» А сам остался. Поднимаясь в гору, я незаметно наблюдал за дедом. Оставшись один, дед осмотрелся, опасаясь, видно, как бы кто не увидел его, и начал «обнюхивать» Денежный. Как лиса мышкует, так и он. Каждую канавку, каждый дубовый кустик осматривал. Бугорок попался — он его ногой; поковыряет-поковыряет, потом нагнется и примется разгрести землю руками. Весь день дед вел себя как-то странно. То запряжет кобылку и примется пахать, то вдруг бросит соху на полборозде и побегит опять к логу. До вечера куска хлеба в рот не брал.

Наконец наступила ночь. Дед постлал под повозкой полушубок, уложил меня. А сам взял с телеги лом, лопату — и к Денежному...

— Ох уж эти мужики! — вздохнула Лукерья. — Все бы им легкой наживы!..

— Обожди, Лукерья! — перебил старушечьи вздохи Авданы: крестному не терпелось дослушать мой рассказ.

— Ребята, они ведь какой народ? Любопытный, — продолжал я. — Едва дед скрылся, я выбрался из-под телеги — и к логу. Вижу, внизу перед часовенкой стоит на коленях дед и кладет земные поклоны Богородице. Он за стол садился не крестясь, а тут перед часовней лоб о землю бьет! Видать, очень уж хотелось ему вымолить клад.

СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ КРУТИЛИН

ЛИПЯГИ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Корректоры Полина Малышева, Антонина Семенова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 17.09.2026.
Формат издания $84 \times 108 \frac{1}{32}$. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 42. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

A-LMR-43593-01-R